

ГЛАВА 6. СТАНОВЛЕНИЕ НОВЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ

6.1. Идентификация: старые и новые основания

Процессы трансформации в нашей стране связаны с глубокой модификацией системы ценностей и моделей социально-экономического поведения, с проблематизацией прежде сложившихся стереотипов социально-экономического действия и соответствующих им статусных позиций. Неизбежно возникает проблема индивидуальной и групповой идентификации в новом социальном пространстве.

Становление новых идентичностей осложняется тем, что до сих пор не определены и не названы магистральные направления социально-экономического развития: социализм ли это с человеческим лицом, народный или государственный капитализм, - официальная идеология еще не выработала внятной цели общественного развития.

За последние пять лет страна несколько раз изменила название, вписалась в суженные географические границы, поменяла государственную символику. Все эти обстоятельства еще больше усиливают и без того значительную нестабильность самой социальной среды.

Адаптация превращается из приспособления к относительно стабильным внешним условиям в сложные субъектно-институциональные взаимодействия, при которых меняются как сами модифицирующиеся институты, так и собственно субъекты трансформации.

В этих условиях заслуживает особого внимания процесс складывающейся в обществе макроидентичности, который, при его благоприятном протекании, способен ускорять адаптацию и тем самым способствовать социально-экономическому развитию страны. В то же время, размытость, диффузия или стагнация идентичности становится социально-психологической преградой общественного развития.

Перестройка и сопутствующие ей общественные настроения не смогли создать целостного консолидирующего мифа, интегрирующего общество в период радикальной трансформации. Как

писал Геллнер, «это была Реформация без Библии, Просвещение без Энциклопедии»¹.

Кроме общей интенции «ожидания перемен» и стремления прямого перенесения западных институтов в Россию, не было каких-либо четких объединяющих планов, перспектив развития - все надежды возлагались на спонтанность развития социума в рамках рыночной демократии. При этом правящая элита постоянно меняла ориентиры и символику реформаторской политики, так до настоящего момента не сумев выработать понятные и принимаемые большей частью населения стратегию и цели развития. Сегодня, после пятилетки «гласности» и еще пятилетки рыночных реформ, обнаруживаются лишь намерения обозначить общецивилизационный дискурс развития страны. Тем не менее, в этих непростых условиях вынужденно складывалась новая общенациональная идентичность. Без идеологических подпорок, используя обрывки старых мифов и новых идеологем, население должно было осознать себя в новом политическом и даже географическом пространстве.

Общенациональная идентичность объективно выполняет двоякую функцию: во-первых, являясь психологическим механизмом отождествления, она формирует национальное самосознание и осуществляет тем самым, условно говоря, «позитивную безопасность», способствуя органичному функционированию социальных структур, большей социальной интеграции общества, и, во-вторых - «негативную безопасность», направленную на «отражение» различного рода социальных угроз: размывание социальных связей, аномии, фрустрации, маргинализации и криминализации социума. Необходимым условием устойчивого, поступательного развития общества и органичного выстраивания системы его институтов является определенная степень общенациональной консолидации. Здесь важно подчеркнуть именно степень, поскольку полная консолидация возможна только в тоталитарных обществах, которые продемонстрировали свою историческую и экономическую нежизнеспособность.

Можно заключить, что идентификация - механизм отождествления личности с определенной социально-значимой целостно-

¹ Gellner E. Nationalism in the Vacuum // Thinking Theoretically about Soviet Nationalities New-York, 1992. P. 246

стью, воспринимаемой на эмоциональном и сознательном уровне в общих символах и категориях, - является важнейшей основой социально-психологической общественной интеграции. Причем отношение к своей идентичности (национальной, социальной или политической) может быть как положительным, обеспечивающим тем самым большую степень социальной гомогенности и консолидированности, так и негативным. Негативное отношение к своей идентичности ведет в конечном итоге либо к аномии - утрате нормативной определенности, вследствие чего личный жизненный опыт перестает соответствовать вновь возникающим нормам (по Э. Дюркгейму), либо к разрыву между ценностями культуры и социально одобряемыми способами их достижения (по Р. Мертону). Поскольку в основании идентичности лежат определенным образом организованные значимые символы, то и социальное взаимодействие реализуется только при условии принятия и адекватного понимания этих символов, создающих позитивный образ «коллективного мы».

Ход реформ, проводимых в направлении становления субъектов рыночной экономики, с необходимостью вынуждал население отказываться от сложившихся традиционных образцов социализации и концентрироваться на адаптации к формирующейся рыночной среде. В основе социальной адаптации лежат два однонаправленных процесса: «онтологический», связанный с изменениями социально-экономического поведения, и «гносеологический», состоящий в перекодировке символов, переоценке ценностей. На первом этапе возникает задача привыкания и освоения идеологии и ценностей модернизации (что осуществляется до включения реальных механизмов реформ достаточно безболезненно), а на втором этапе, когда была задействована политика реформ в ее «шоковом» варианте, возникла коллизия между идеальными ожиданиями и трудностями освоения новых образцов поведения многими strатами населения. Реальное адаптационное поведение оказалось значительно менее эластичным, чем возможности восприятия идейного и пропагандистского пафоса реформ, поскольку адаптация к кардинально меняющимся условиям среды есть прежде всего изменение образа жизни - функции традиционной социализации и весьма устойчивой составляющей социального взаимодействия. Данные многих исследований, проведенных за последнее время в России, в том числе серия наших ис-

следований (С-1), подтверждают особенность данного этапа модернизации общества, для которого характерно освоение адекватных формирующимся рыночным институтам образцов социального поведения относительно небольшой частью населения. Для большинства же завышенные ожидания, появившиеся на стадии постижения идеологии реформ, столкнувшись с реальностью их практического воплощения, либо приводили к пассивному освоению рыночных условий, либо породили дезадаптивные реакции - фрустрацию, эскапизм, эмоциональное неприятие рынка.

Как показывает опыт истории, для эффективного развития модернизационных процессов необходимо органичное или хотя бы непротиворечивое соединение макроидентичности (общенациональной идентичности) и социально-групповой идентичности (по демографическим, религиозным, профессионально-корпоративным основаниям).

Достаточно вспомнить, например, Голландию в XVII-XVIII вв. или Англию в XVII-XIX вв., которые занимали в то время лидирующее положение в экономической и политической сфере благодаря не только объективным факторам (географическому положению и колониально-торговым предприятиям), но и высокой степени национальной консолидированности, осознанию своих национальных интересов в сочетании с корпоративной и религиозной идентичностью, оформлявшейся в рамках протестантизма. Бурное развитие капитализма в США в огромной мере обеспечивалось за счет мощной национально-государственной идентичности и духа религиозного мессианства, широко разделяемого выходцами из Старого Света, образовавшими костяк будущей американской нации. И до настоящего времени в основе американской идентичности лежит специфический патриотизм (вера в незыблемость либеральной политико-правовой системы, отождествление личных интересов и интересов Америки), сильная внецерковная религиозность, которую иногда называют «американской религией», сохраняющееся «общинное» начало (community) и пафос индивидуальной свободы². В большинстве стран, где идеалы и цели модернизации в той или иной степе-

² Айзенштадт С. Культура, религия и развитие в Североамериканской и Латиноамериканской цивилизациях // Международный журнал социальных наук. 1993. №1.

ни смогли быть реализованы в виде современной модели национальной экономики, включенной в широкие международные связи, степень общенациональной идентичности, т.е. отождествления символов и интересов общего и личного, весьма высока.

Проблематизация общенациональной идентичности и является необходимым условием для поддержания процесса модернизации. В том случае если модернизация развивается достаточно органично и воспроизводится без активного внешнего влияния со стороны государства, место общенациональной и социально-классовой идентичности постепенно занимает личная, индивидуально-утилитарная идентичность. Эти процессы фиксируются исследованиями, проводившимися, начиная с послевоенного периода, в странах Западной Европы³. Однако для стран Восточной Европы, ставших на путь рыночной модернизации только с конца 1980-х годов, идентификация по национально-государственным символам до настоящего времени занимает доминирующее положение по сравнению с индивидуальной идентичностью, но можно прогнозировать, что в дальнейшем ее роль будет возрастать.

Исходное идентификационное пространство со своим набором значений, символов, ценностей и норм перед началом осуществления реформ создавалось прежде всего государственной моноидеологией. Главной идентификационной моделью в этом пространстве был «советский человек» с соответствующим перечнем этических качеств. Многие агенты социализации были подключены к формированию именно этой идентичности (школа, пионерская, комсомольская, партийная организации, СМИ). Однако излишне формализованный и нормативистский характер данной модели, лишенный сакрально-эмоционального значимого подкрепления, по мере роста социального опыта приводил к отчуждению значительной части населения от аскриптивных оснований, связанных с подобной идентичностью.

Выполнение социальной роли, связанной с идентичностью «советский человек», носило в значительной степени формализованно-ритуалистский характер, создавая нередко феномен скрытой за ритуальностью органичной идентичности. В меньшей степени в

³ Доган М. Сравнительный анализ спада национализма в Западной Европе: динамика взглядов поколений // Международный журнал социальных наук. 1993, ноябрь. № 3.

формировании этого пространства участвовали первичные социальные группы (семья, ближайшие родственники и друзья), поскольку государственная идеология практически монопольно определяла круг допустимых для интериоризации значений. Поэтому влияние микрогрупповых норм и ценностей на формирование идентичности было предельно сужено.

Самым негативным последствием существования подобной системы идентификационного пространства явился резкий разрыв между государственной инстанцией, санкционировавшей допустимый перечень оснований идентичности, и агентами первичной социализации. В нетоталитарном типе общества такой разрыв заполняется опосредующим звеном в виде различного рода добровольных ассоциаций, выступающих в качестве автономного агента вторичной социализации (например, в США более 75% взрослого населения входят, по крайней мере, в одну добровольную ассоциацию)⁴. Естественно, в СССР, ввиду крайне жесткой регламентации социальной инициативы, подавленности автономных социальных статусов, этот разрыв постоянно воспроизводился и обуславливал односторонний характер «советской идентичности», которая так и не смогла стать органичной.

Многие исследования фиксируют также ценностное содержание социальной идентичности, существовавшей в России перед началом реформ. Так, среди базовых ценностей «советского человека» называется, например, триада «законность - общение - семья», которая в последнее время даже усилила свои позиции. В то же время, социологи наблюдают возрастание в аксиологическом ряду некоторых ценностей, которые не были присущи в значительной степени респондентам до 1990 года. Так, например, к 1994 году «на 8-10% повысилась распространенность таких ценностей современного общества, как свобода, независимость, инициативность. Одновременно снизилась распространенность таких ценностей традиционного общества, как самопожертвование, следование традициям»⁵.

Важным результатом реформ является значительное повышение ориентации населения при решении жизненных проблем, преж-

⁴ Смелзер Н. Социология. М., 1994. С. 172.

⁵ Динамика ценностей населения реформируемой России / Под ред. Лапина Н. М., 1996. С.70.

де всего, на свои силы и поддержку родственников, а не на государство, как это было в прежней системе.

Таким образом, исходное идентификационное пространство в аспекте ценностного содержания перед началом реформ и трансформационными процессами, ими вызванными, отличалось наличием доминирующей идентификационной модели «советский человек», определившей патерналистские черты «модальной личности», слабым развитием оснований идентичности, связанных с первичной социализацией, а также практически полным отсутствием выраженных оснований социально-групповой идентичности: политической, субкультурной, религиозной, профессионально-корпоративной.

Проведенные в последнее время социологические исследования во многом подтверждают теоретические выводы о специфическом характере идентичности населения современной России, которому присуще в большей степени отождествление себя в социальном аспекте не по профессионально-экономическим признакам, а в соответствии с национально-государственной принадлежностью. Подобный тип идентичности принято еще называть «открытым национализмом», основанным не на принципе расы, этнической культурной традиции, языка, конфессиональной принадлежности или компактной территории проживания («закрытый национализм»), а на основаниях принадлежности к государству. Впрочем, и эта макроидентичность подверглась в последнее время значительной трансформации в сторону снижения доли людей, отождествляющих себя с государственной целостностью.

Это свидетельствует о расширении эрозии национального самосознания, кризисе макроидентичности, который был вызван, помимо радикальной ломки традиционного комплекса ценностей без соответствующей позитивной замены, также факторами объективного свойства: распадом Союза ССР, усилением сепаратистских тенденций, выразившихся в быстром становлении этнократических режимов на месте бывших союзных республик и национально-территориальных образований в самой России.

Кризис идентичности на макроуровне неизбежно приводил к кризису мобилизации политического потенциала населения, упадку массового доверия к различным политическим партиям, их программам, к политической индифферентности в целом.

Другой, не менее важной составляющей кризиса идентичности следует признать усиление негативных социально-психологических тенденций, прежде всего, у той части населения, уровень доходов которой оказался ниже черты бедности. При этом кризис идентичности сопровождался «усилением состояния депрессии и астении, невротическим комплексом дефектности, которые описываются респондентами в уничижительных характеристиках»⁶.

Данные некоторых опросов фиксируют тенденцию утраты какой-либо идентичности у достаточно представительной группы опрошенных. Так, согласно опросам, проведенным Российским независимым институтом социальных и национальных проблем в 1993 году в 10 городах РФ, 35% респондентов вообще не смогли идентифицировать себя по любым основаниям⁷. Отказ идентифицировать себя в социально-значимых ролях является показателем, свидетельствующим о глубоко зашедшей деструкции и потере ориентаций в сети социальных взаимоотношений.

Кризис социальной идентичности проявился в функционировании таких важнейших институтов, как собственность, деньги, производство, торговля и т.п. Так, приватизация, призванная идеологически обеспечить создание среднего слоя собственников, привела на практике к формированию узкого круга лиц, реально контролирующих огромные материальные, финансовые и информационные ресурсы. Процесс отчуждения большинства населения от собственности, естественно, тормозил развитие ролевой идентичности «собственника», «хозяина» и позитивное отношение населения к частной собственности в целом. Ценность труда, иная мотивация экономической деятельности, помимо высокого дохода, согласно проводившимся опросам, постепенно утрачивают занимавшие до недавнего прошлого высокие позиции в иерархии ценностей трудовой мотивации. Подобная ситуация вызывает размывание социальной идентичности по признаку принадлежности к некоторой профессио-

⁶ Титов В.Н. Отношение населения к реформе: Опыт анализа писем читателей газеты «Труд» / ИСЭПН РАН. М., 1994.

⁷ Гудков Л.Д. Русское национальное сознание: потенциал и типы консолидации // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. М., 1994. С 179.

нальной корпорации, со всем набором эмоциональных характеристик, присущих этой идентичности.

Процесс активного строительства "финансовых пирамид" и довольно быстрое их крушение не могли не вызвать у населения кризиса доверия к становящимся финансовым институтам в негосударственной сфере. Так, результаты исследования сбережений населения (С-3) свидетельствуют о высокой степени недоверия опрошенных к коммерческим банкам и финансово-кредитным обществам, об отказе многих идентифицировать себя в качестве «вкладчика» и «партнера» подобных структур.

В торгово-обменные операции, бывшие еще недавно сферой приложения труда ограниченной части населения, вовлекаются все более широкие слои, что связано не только с сокращением рабочих мест, но и с прогрессивным увеличением стоимости «потребительской корзины», сферы обслуживания и коммунальных услуг. Подобная тенденция неизбежно ведет к депрофессионализации многих групп работоспособного населения, криминализации отношений со всем набором психологических черт. У некоторых социальных страт, в первую очередь интеллигенции, необходимость обращения к торговле сопровождается ощущением «комплекса вины» за измену своим ценностям, депрессивными состояниями.

Семья как важнейший институт социализации личности, бывшая и в СССР весьма нестабильной микроструктурой, в ходе социальной переструктуризации подверглась еще большей негативной трансформации. Нестабильное экономическое положение многих семей, необходимость жесткого регулирования уровня детности, размывание социальной этики приводят к увеличению числа разводов, изменению социальных ролей супругов, понижению общественной ценности семьи как института. В то же время, социологические исследования фиксируют феномен возрастания идентификации личности с семьей в условиях кризиса иных оснований идентичности, что может сыграть положительную роль в будущем процессе восстановления важных императивов социальной этики и общественно значимых стереотипов и норм поведения.